

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

СПУСТЯ неделю после смерти писателя Николая Островского в редакцию газеты «Крымский комсомолец», где я работал заведующим отделом литературы, пришла пожилая женщина:

— Я жена Вайнера, который описан в романе «Как закалялась сталь» под фамилией Вайман. — Она вынула из сумочки конверт с фотографиями. — Эти снимки сделаны десять лет назад в санатории «Мойнаки»...

На известной теперь всем фотографии на первом плане — две коляски: в одной Адам Эбнер, во второй — Николай Островский. За спиной Николая Островского — полный мужчина в белой топсовке и белой фуражке, Вайнер. На других фотографиях также были запечатлены друзья Островского, среди них и Вайман-Вайнер.

— Возьмите их! — сказала жена Вайнера. — Может быть, опубликуете!..

Утром следующего дня я мчался в евпаторийский санаторий, о котором мы все знаем по роману и о котором Павка Корчагин писал брату Артему: «Артем! У меня творится что-то неладное. Я стал часто бывать в госпиталях, меня два раза порезали, пролило немало крови, потрачено немало сил, а никто еще мне не ответил, когда этому будет конец. Выношу кучу страданий и в результате всего этого — потеря движения в колене правой ноги, несколько швов на теле и, наконец, последнее врачебное открытие: семь лет тому назад получен удар в позвоночник, а сейчас мне говорят, что этот удар может дорого обойтись. Я готов вынести все, лишь бы возвратиться в строй».

Нет для меня в жизни ничего более страшного, как выйти из строя. Об этом даже не могу подумать... Сейчас получил билет в санаторий «Мойнаки» в Евпатории. Завтра выезжаю. Не унывай, Артем, меня ведь трудно ушибить!»

Мы помним эти мужественные строки, которые написал брату-слесарю искалеченный и истерзаный войной и болезнями Корчагин.

Тяжелые страницы романа воспринимаются с еще большей болью, когда узнаешь, что за этими строками обнажается суровая, трагическая жизнь самого Николая Островского.

...С главным врачом санатория «Мойнаки» Алексеем Ивановичем Владыкиным просматриваем архив. И вот найдена история болезни Н. Островского (тогда называлась «Личная карточка»).

Николай Островский прибыл в санаторий 16 мая 1926 года. В карточке сообщалось, что «Островский, Николай Алексеевич, в возрасте 21 года, электромонтер, член КП(б), работник Шепетовского окружкома ЛКСМУ прислан на лечение за счет ЦК КП(б)У».

В графе «Жалобы больного» записано: «Боль ноющая в позвоночнике и болезненна

мышц и мышц голени. Вся мышечная сила ослабла».

По всем данным освидетельствования Н. Островский был тяжело больным, за которым нужен был особый уход, особое лечение, несмотря на это, общее самочувствие Николая Островского было удовлетворительное, сон удовлетворителен, правда, отмечалась некоторая раздражительность...

отдыхали немецкий рабочий Адам Эбнер, Марта Лауринь, Вайнер, которые описаны в романе. По просьбе Адама Эбнера мы поместили в его палату Николая «для поддержания духа». Я часто бывал в «Аднике» (так в шутку называли палату по их инициалам: Адам—Николай), вспоминали вместе эпизоды из гражданской войны. В палате всегда

обходил палаты, то в «Аднике» всегда слышал спор, звучали шутки, песни, смех. Однажды не выдержал и стал их увещивать: мол, поздний час! Вот тогда Николай с напускным озорством и сказал мне: «Милый наш доктор, Алексей-свет-Иванович! Я ведь знаю, какой приговор определила мне судьба. Так пока еще есть возможность, дайте нам и поспорить, и повеселиться, и всласть ответить душу песней». И, как по сигналу, все запели озорную песню. Не скрою, что и я присоединился к ним в те минуты. Вот тогда и поверил в побеждающую силу хорошего настроения. Да, без шутки им просто нельзя было. Шутка — великий лекарь.

Как мне рассказал Алексей Иванович, Островскому грязи не помогли. На учетной карточке 13 июля врач Верещаковский, лечивший Островского, записал: «Выписывается без улучшения».

Пятьдесят восемь дней пробыл Николай Островский в «Мойнаках». Трое санитаров провозжали его рано утром на пароход, на котором Островский направлялся в Новороссийск. Санитар Ваня Винокуров взял себе на спину Николая Островского, перенес его по трапу на пароход и остался вместе с ним, проводив его до самой квартиры в Новороссийске.

Мы договорились с Владыкиным, чтобы в палате, где жили Островский и Эбнер, был создан уголок, а со временем — небольшой музей. А пока помещать в палате особо отличившихся бойцов Красной Армии.

В начале января 1937 года мой очерк «Николай Островский в Крыму» был опубликован.

И потекли потоком письма в редакцию. Писали бывшие бойцы Конармии, партизаны, рабочие, студенты, школьники... Я и сейчас помню письмо третьеклассницы Галочки, старательно написанное на листке школьной тетрадки: «Мой папа рассказал мне, что он тоже воевал вместе с Николаем Островским. И какой был Островский смелый, храбрый и веселый. Даю честное пионерское: буду такой же!».

Наверное, в годы тяжелых испытаний вы встречали на передовой сотни таких, как Галочка. Они перевязывали ваши раны, выносили вас на себе с поля боя под вражескими пулями, как бы принимая от Корчагина и создателя его образа боевую эстафету неунывающей молодости.

Н. ПОЛОТАЙ.

Б О Е В А Я Э С Т А Ф Е Т А

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

при сгибании и разгибании позвоночника. Боль в плечевом суставе. Боль в обоих голеностопных суставах. Общая слабость».

Нижне запись: «Отец — жив — 72 г., мать — 52 г. — здорова». Дальше запись перенесенных болезней: «тиф сыпной в 1920 г., возвратный тиф в 1922 г., воспаление легких в 1922 г., травматическое повреждение надбровной дуги в 1920 г.».

В другой графе — «История настоящего заболевания» читаем: «Считает себя больным с 1922 года. В 1922 году после простуды почувствовал сильную боль в обоих коленных суставах со значительным опуханием их. Одновременно опухли оба голеностопных сустава и ощутилась сильная болезненность в них. В этом году больной отмечает заболевание тифом. Лежал в госпитале в течение шести месяцев. Выписался, но опухоль в суставах оставалась и держалась до настоящего времени. До ноября 1924 года больной работал, но болезненность не исчезала. С 1924 г. появилась болезненность в обоих плечевых суставах и в позвоночнике. Пролежал в институте 1 год 7 мес., где был подвергнут операции... Выписался, но без улучшения в мае 1926 г. и вскоре был направлен в Евпаторию на грязелечение».

Вся история болезни кричит о боли, которую годами, молча, стиснув зубы, переносил молодой Островский. Кроме всего, в последующих графах карточки записано, что у Н. Островского резкая атрофия мышц плеча, бедренных

Делаю выписки, качаю головой:

— Натерпелся!

Владыкин сочувственно кивает:

— Да, натерпелся. Но Николай никогда не жаловался, не требовал к себе особого внимания. Я его понимаю. Боец Конармии! Я сам тогда только вернулся с гражданской войны и сразу был направлен в «Мойнаки». И в числе первых больных прибыли Адам Эбнер и Николай Островский. Тогда Николай ходил с палочкой, правая нога у него была согнута немного в колене и неподвижна. Одет был просто, скромно.

Первые дни лечения принесли мало пользы. Островский после ванны чувствовал головокружение, слабость — ванны часто отменялись. 28 июня состоялась консультация с профессором Дитериксом. Выяснилось, что у Н. Островского общее заболевание суставов, которое ведет к полному окостенению их. Медицина была бессильна... К Николаю Островскому с каждым днем неумолимо приближалась неподвижность.

— Большим ударом для Николая была весть о запрещении ходьбы, — продолжал Владыкин. — Мы уложили его в коляску, и с тех пор до самого отъезда из санатория Островский не поднимался с коляски.

Владыкин рассказывал об исключительном мужестве Островского: ни одного стога, ни одной жалобы, ни секунды отчаяния — хотя больной полностью понимал ужас своего положения.

— В нашем санатории тогда

было полно людей. Несмотря на свою молодость, Николай имел большое влияние на всех остальных...

К нам подходят санитары И. С. Казас, И. И. Шлосберг.

— Островский много читал и часто спорил, — говорит Илья Шлосберг. — Как только его выносили на воздух в сад, вокруг него и Адама собирались больные, играли в шахматы, спорили, пели.

Илья Казас добавляет:

— Особенно сдерживал себя Николай при нечеловеческих болях. Стиснув зубы, хвзтал костыли и пытался ходить. Старался показать, что он не сдастся, что сам сможет двигаться, и никогда ни за что не хотел тревожить нас, санитаров. Мы часто заставляли Островского «на месте преступления» и укладывали в коляску. С болью в сердце мы видели страдания Николая. Он ведь сознавал безвыходность своего положения и от этого еще больше страдал...

Вспомнили санитары и то, как Островский их «пропесочивал»:

— Вы такие молодые и не учитесь. Мне бы ваше здоровье!..

Жажда учения не покидала его. Он собирался ехать учиться и каждому втолковывал, что надо учиться, учиться и учиться...

— Я не мог понять, какая сила его держит, — снова вступил в разговор главный врач. — На его месте другой давно бы пал духом. К тому же учите, что Островский действительно знал правду о надвигающейся трагедии. Откуда узнал — не понятно. Но когда я